

— Однозначный ответ на этот вопрос отсутствует. Конечно, да. Потому что город меняется. Но, с другой стороны, пустота — в самой структуре Перми, в её рыхлости, растянутости, неоформленности и хаотичности застройки. Вот центр города, здесь стоят большущие ящики, облицованные керамической плиткой и сайдингом, — «торгово-развлекательные центры». По архитектуре это склады. Такие строят в аэропортах.

Город старательно уничтожает свой замечательный ландшафтный профиль. Природная основа Перми сильна и выразительна. Глубокие долины, холмистость, обилие малых рек, одна из которых — Стикс — уже по одному своему имени является невероятно интересным объектом. Всё это сегодня стремятся загнать под землю, выровнять, загладить. Есть энтузиасты, которые пермскую ландшафтную идентичность стремятся отстоять, но всё увязает в какой-то зыбкой трясине.

Бесконечные проекты, которые никак не могут реализоваться: галерея, здание оперного театра; по зоопарку подвижки произошли буквально в последнее время. Всё остаётся в планах. А что такое план? Без реализации — пустота, мечтание.

Отличный пример на ту же тему — идея поставить памятник комсомолу в очень значимом для города месте. В центре Перми собираются поставить шестиметровый бетонный комсомольский значок. Как могла прийти в голову такая идея — поставить знак в честь знака?! И что это, если не проявление пустоты?

В отношении к городу — существенное отличие от предприимчивого Екатеринбурга. Один маленький пример. Была у них башня. Недострой. 30 лет стояла, никому не нужна была и даже опасна. В ходе долгих переговоров удалось перевести её в муниципальную собственность, с тем чтобы Уральская горно-металлургическая компания снесла объект, а на его месте построила ледовый спортцентр на 15 тыс. зрителей, передав городу солидную долю в собственности. Какую бучу подняли екатеринбуржцы вокруг своей башни! Повторюсь, никаких рациональных резонансов тому не было. Если судить прагматически, ледовый дворец не в пример полез-

нее, чем недострой. Но город вплёл башню в свою ткань, для многих людей она стала хранительницей личных смыслов, историй. По сути, вокруг объекта случился большой стихийный фестиваль проводов башни. Медиасопровождение, флешмобы, руферы, штурмующие башню, в кафе подавали и взрывали тор-

ОДНА ИЗ ХАРАКТЕРИСТИК ПЕРМИ: ДРЕМАТЬ И МЕЧТАТЬ

ты в форме башни, выпустили серию остроумных сувениров... Нарастили такой слой действий, историй, смыслов, мифов, что башня теперь навсегда останется в памяти Екатеринбурга. Создают видеоигру The Tower с тайной и приключениями. То есть провода башни превратились в городской карнавал и дали импульс к творчеству. Обсуждается идея о памятнике башне. Вот это энергетика современного креативного города.

Есть какие-то безусловные прорывы в Перми. Но пока я вижу преобладание вязкости, хаотичности, случайности. Нет долгосрочных стратегических решений по ряду ключевых для Перми направлений, например по развитию центра города.

? Вам могут возразить, Владимир Васильевич. Почему провода башни — это хорошо, а установка значка комсомола — плохо?

— Потому что провода башни — это стихийная воля города, объединяющий порыв. А комсомольский значок — выражение корпоративной ностальгии. Я не против ностальгических переживаний руководителей пермского комсомола 1970–1980-х годов, это замечательные люди, но пусть локальная инициатива выражается локальным образом. Например, в виде значка на бывшем здании горкома. Но ставить бетонный значок на одной из важнейших градостроительных осей Перми — это грубое вмешательство в структуру, в ткань города, небрежение к нему, полное непонимание законов эстетики и самой сути Перми. Если здесь и нужен памятник, то другой.

? Какой?

— Тот, что действительно будет отражать смысл Перми и её интересы. Кому — об этом попозже. А пока приведу пример, как об этом можно думать. В своё время, когда шли дискуссии о месте для памятника Татищеву, Алексей Залазаев, замечательный скульптор, предлагал поставить конный памятник отцу-основателю города на Комсомольской площади в начале разбега градостроительной оси «Башня смерти — Кафедральный собор». Это была идея художника, который чувствует логику городского пространства и логику истории. В Татищеве Залазаев увидел посланца империи, учреждающей новый город. Но Пермь по-молотовски предпочла Татищева-инженера, сутулящегося на разгуляйской окраине и размышляющего, где бы заложить очередную медеплавильную печь.

? Есть ли, с вашей точки зрения, какие-то смыслы в слове «пермь», которые ещё не найдены, не проявлены, не используются?

— Прежде всего, недостаточно от-refлектирован сам акт дарования имени городу Екатериной Великой, его значение. К слову, о памятниках... Вот кому Пермь обязана более всего — Екатерине. Пётр I создавал Санкт-Петербург и заложил начало Российской империи, Екатерина II соединила точку на карте и слово «пермь», продолжив её строительство. Она дала месту имя, запустив генератор той самой пермской мифологии, о которой мы с вами ведём сейчас речь. Екатеринбургские генералы закладывали и строили Пермь, а не капитан артиллерии Татищев. Имя Екатерины вписывает город в имперский миф. Кстати, с чисто филологической точки зрения заметьте любопытное созвучие, такая изощрённая рифма: слово «ИМПЕРИЯ» анаграммирует слово «ПЕРМЬ».

Кстати, вот ещё над чем надо внимательно думать. Ведь Пермь — город в некотором смысле двуимённый: снаружи зыбкая оболочка Перми, а внутри — железный Молотов. Нельзя об этом имени забывать, с ним связана сильная идентичность города — милитарно-индустриальная, рабочая,